

18+

Игорь Платонов

ЗАПОЛЯРНЫЙ КОВЧЕГ

СТИХИ И ПОЭМЫ

Игорь Платонов
Заполярный Ковчег.
Стихи и поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507939

ISBN 9785005070104

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книгу «Заполярный Ковчег» вошли стихи и поэмы, написанные в разные годы и посвящённые родному Заполярью, Родине и любви.

Содержание

прелюдия	8
арктика	9
заполярный ковчег	10
память	12
вселенская нега	13
шторм	15
нервы полярного тракта	17
грев	19
движение весны	21
молодильный стих	22
основы	24
пик безлюдия	25
чувства	27
пороги	29
крылья транса	30
рассвет	32
стезя озарений	33
направление чувств	34
один из нас	36
реверс	37
от души до небес	38
рождение песни	39
неизбежность	40

сохранённая красота	41
интроспекция	43
ты помнишь?	44
перелёт через бездну	46
фермата	50
незнакомка из прошлого	51
с подогревом идей	53
светильник познания	54
волшебный коридор	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Заполярный Ковчег

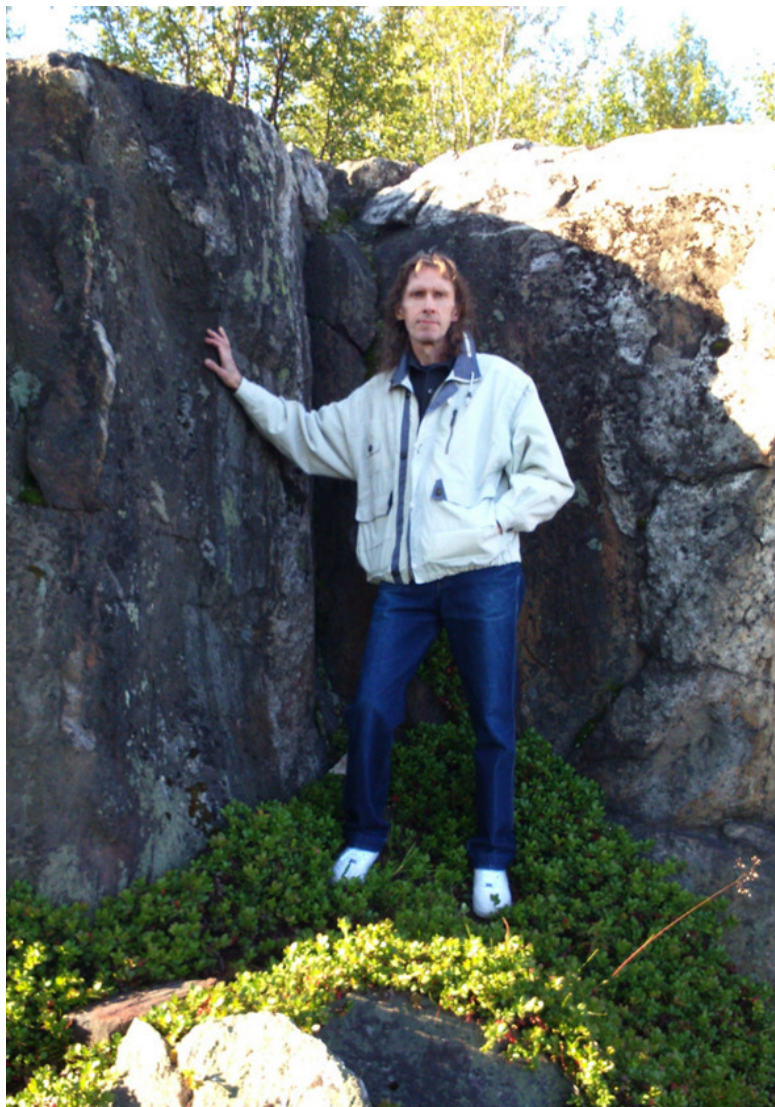
Стихи и поэмы

Игорь Платонов

© Игорь Платонов, 2020

ISBN 978-5-0050-7010-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Заполярный ковчег» посвящён Заполярию, Родине
и любви

Игорь Платонов **ЗАПОЛЯРНЫЙ КОВЧЕГ** стихи и поэмы
Москва 2019

ЗАПОЛЯРНЫЙ КОВЧЕГ / Стихи и поэмы

Игорь Платонов (Светослов); 2019. – 170 с.

ISBN

В книгу «Заполярный Ковчег» вошли стихи и поэмы, написанные в разные годы и посвящённые родному Заполярию, Родине и любви.

ISBN

© Игорь Платонов (Светослов), 2019

прелюдия

*...Ты проснёшься и выйдешь навстречу,
Стань счастливой и вновь молодой;
И в сердцах отогрета вечность
Эту землю оставит живой...*

арктика

Я становлюсь невозмутимым,
Как океан, одетый в лёд;
Броня зимы несокрушима,
И мир дышать не устаёт.

Странна полярная пустыня,
Луна огромна и светла,
И звёзд горстями золотыми
Озарена сплошная мгла.

И откровением для взора
Горит распахнутая высь;
А равновесие простора
Не сокрушает головы.

Но день придёт – и содрогнётся
Предел ледовой немоты;
И в сердце музыка прольётся
Живой лавиной красоты.

заполярный ковчег

Мощью скал и озёр,
Вечных сопок и рек
Ты ворвался в мой взор,
Заполярный ковчег.

Вольный Север, мой кров
От рожденья в краю,
Где ответом на зов
Вьюги сполохи вьют;

Где весною ручьи
Льют по венам бальзам,
И в бессонной ночи
Что-то нужно сказать,

Я стою и молчу,
С диким плачем в груди,
Потому что хочу
В сердце песню найти,

От которой легко
И спокойно в глуши,
Чья печаль без оков
И судьба – не на лжи.

Память сбросила груз,
Ты прости меня, Норд,
За туманный маршрут
И за то, что был горд.

И ещё за любовь,
Что в пути не сберёт;
И за долгую боль,
От которой не слёт.

Но я спас без грошей
Отрезвляющий лад;
Я молчу, а в душе
Только чайки кричат.

ПАМЯТЬ

Душа до зари пропоёт,
А утром захочется плакать;
И вспомнится ветреный год,
Пропахший дождём и собакой...

Дыханье прозрачных озёр,
Тропа, обогнувшая камни;
Отца немигающий взор
И мать, озарённая пламенем...

Дрова полыхнут – и сгорят,
Собака в дожде затоскует;
И мы возвратимся назад,
Туда, где тревога не дует.

Родные улягутся спать
И я успокоюсь мечтами;
А в памяти будут стоять
Корзины с живыми грибами.

Вселенская нега

Горечь века, и двор – как убежище,
А за ним – притяжение дорог;
Только ветер... лишь ветер так свеж ещё,
Что уносится твердь из-под ног...

Как несёт пассажира до станции
Тяжкий транспорт без драмы в шумах,
Нежит память меня традесканцией
И катает на вешних плотах.

Постою, разомлею в тех радостях,
Что дарила родимая весь, —
В звонком детстве и в буйстве до крайности,
И пойму, что открыт я ей весь...

Ты чиста вольным духом, провинция,
Хоть разодрана вся изнутри;
Время рушит недвижимость принципов,
Что обшарпаны, как ни смотри.

Никому не судья и не мытарь я,
Ностальгия – не тяга пера;
Всё равно, если Русь и немытая,
Я прижат к ней всем жаром нутра.

Я не знаю, читает ли Родина,
И сияет ли в мыслях народ,
Но я слышу, как плачет мелодия
Волшебства, где и камень поёт.

В этой музыке дышит Вселенная,
Грея тех, кто ещё может жить;
И стихия, до боли нетленная,
Выжигает всю хворь из души.

Я прощупал тебя всеми нервами,
Дорогая моя красота,
Чтобы чувства остались бессмертными
И сияла в судьбе высота.

шторм

Порт околдован прибором,
Над якорями – джаз;
А я немостою болен, —
Страшно дышать...

Флот адресован морю
Жертвенным дрейфом,
А я окандален боем
Ярого рейда.

В нервах – аттилова стужа,
Сердце бушует и пляшет;
Город все чаянья глушит
Каменным плачем.

Держит меня и жмурит
Сила ударно-причальная;
В этой промозглой буре
Всё так случайно!

Пусть никуда не деться,
Благословим маршруты;
Мы – штормовые дети
Тайных приютов.

Время вобьёт прибоем
Душу в небесный доступ;
Ну а пока – свободен
Бури апостол.

нервы полярного тракта

Как грохотали вагоны
В нервах полярного тракта!
Вьюги охрипшие стоны,
Трасса промозглого мрака.

Где-то пропали таксисты,
Будто мираж – Майами...
Все мы, как есть – артисты,
Только трясёт не в драме.

Водка и апельсины,
И задубевшие руки;
Запах зимы и бензина
Перегазил все глюки.

Словно вселенским эхом
Плакала эта стужа;
Стал я твоею вехой
С дикой тоской наружу.

Голым нутром, аортой,
Принял твою отраду,
Ветер сплошного Норда,
Ставший моей балладой.

Верил открытым сердцем:
Вышний предел не бросит,
Хоть куролесил дерзко,
Но и не слёг в неврозе...

И возвратился с неба,
Паром дыша в твой облик
С шапкой такой нелепой,
Предвосхищая топлес.

Дух не упрятать в шкуры,
Боль погасили губы...
Стала моей натурой
Родина снежной шубы.

грев

В стране гудела шebutная перестройка,
Народ крутился и сколачивал бабло;
А друг мой Вовка вспоминал шальную Зойку
В глухом краю, где минимально барахло.

Он никогда не кайфовал от криминала,
Но так уж вышло – пьянка вздыбила базар
И в кураже больших понтов не миновала,
И грабежомдохнул тревожный перегар...

Его подруга перестала быть влюблённой
И в одночасье отказалась от него;
И мне письмо пришло из заполярной зоны,
Где прав на личный выбор нет ни у кого.

И в том письме звучала просьба с ноткой спешки, —
Собрать консервов, чаю, денег, сигарет,
И подвезти всё это в зону для поддержки...
И скоро был укомплектован этот грев.

На КПП меня встречал большой охранник,
Я объяснил всё, дав дежурный четвёртной;
И скоро в комнату секретных ожиданий
Зашёл мой друг с татуированной братвой...

Мой друг был рад, как никогда, меня встречая,
Я быстро выгрузил из сумки всё, что вёз;
И разогрелся организм ударным чаем,
Точней – чефиром, продирающим до слёз...

Я был спокоен и корректен в разговоре,
Лишь иногда слегка морозили глаза
Тех пацанов, что тосковали о просторе,
В шальных мечтаниях срывая тормоза...

Их укатала в зону стрёмная эпоха,
Одним – пентхауз, а другим – лишь коридор;
И проще сделать вором ветреного лоха,
А если кто масштабно грабит – тот не вор.

Я распрощался с другом Вовкой и уехал,
Оцепенев от неожиданной тоски:
Каким быть должен этот мир для человека,
Чтоб люди стали откровенны и близки?

ДВИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Зима устала быть холодной,
Ветра теплом напоены;
И над оттаявшей природой
Парит дыхание весны.

Рассвет смелеет и дымится,
Тревожат кроны синеву;
И пробудившись, плачут птицы,
Желая вновь узреть листву.

И возвратив сознанию милость,
Вздымает зарево рассвет;
Весна, похоже, пробудилась,
Лишь в новостях метелей след...

МОЛОДИЛЬНЫЙ СТИХ

Почему так туманны мечты,
Словно мир охмурило ненастье?
Даже если карманы пусты,
Неужели нет шансов на счастье?

Неужели нас быт одолел,
Доминируя чувством дивана?
Или мы так устали от дел,
Что не катимся дальше экрана?

Наш удел – бытовой антураж,
Груда мебели и холодильник...
Напишу-ка я вольный пейзаж
С дивным садом плодов молодильных...

В том саду – оживленье чудес,
Там и воздух поёт, нежа кроны
Под лазурным дыханьем небес,
И желанья светлы и огромны.

А плоды налиты волшебством,
И любовью цветы пламенеют;
Там всегда говорят о живом,
И никто умирать не умеет.

И овеяв себя красотой,
Вновь я вижу страну золотую,
Где и старец всегда молодой,
И никто о пустом не тоскует.

ОСНОВЫ

Говорят, смерти нет; но дыхание льда
Ускоряет биение сердца;
И время сметает любые преграды,
А жизнь – это воздух, всё – здесь.
Не стоит идти наугад, если горечь
Открыла незримые дверцы...
Я кровь оживляю поющей водою
И музыка дышит везде.

И высь продолжает сиять,
Даря пробуждённому свободу движенья,
И снова шумит бездорожье...
И снова Земля – наша мать,
И, стало быть, каждый всегда имеет
То, что отнять невозможно.

пик безлюдия

Немотой наливаются улицы, —
Пик безлюдия...
Ночь от сердца уже не откупится
Златолунием.

Моя песня не спета, все крайности
Стали близкими;
А в лазури дома чеканятся
Обелисками.

Но отрада – в тебе, синеокая,
Боль глубинная;
И парит ностальгия высокая
И невинная.

Перепахана доля почтовая
Кровным почерком,
Чтоб не мнил из себя холостого я,
Чуя почести.

Как порой упоительны грёзы,
Как заманчивы!
Но тоска выливается в прозу
Без романтики.

Не спасает от голода праведность
Безответная,
И печаль не врачуют празднества
Несусветные.

Заклинай меня, прячься, кодируйся
Зло и холосто, —
Я в тебе оживу, дисконтируя
Тайным голосом...

Ветер выхлопнет в окна сквозной озон,
День раскурится;
И расплатится былью родною он
Вдаль по улицам.

Обомлею, врасплох околдованный
Колокольнею...
Так становится музыка вольною
В пик безмолвия.

ЧУВСТВА

Т.Р.

Когда-нибудь в осеннем баре
Ты станешь вдруг неутолима,
И сплин тебе коктейль подарит,
Смешав озноб с дождём и дымом.

И хлынет в душу дикий ветер,
Гонимый ревностью заката,
И скрипок вой сорвётся с петель,
Метнув по венам ток стаккато.

И потеряв на миг дыханье,
Ты станешь мир ценить покруче, —
Взыграет хмель волной летучей,
Предвосхитив воспоминанья...

И сокрушая укоризны,
Возникну я в твоём тумане;
И затрепещет речь по жизни,
Как сон-трава в тоске по ране.

Как чутко в этом гулком баре
Мы будем жар качать устами!

Но тишина врасплох ударит
И все надежды обуздает...

И невесомя в молитве,
Ты будешь знать, что мы – живые,
И станешь вновь неопалима;
Так воскресает ностальгия.

пороги

Рань повышибла сны, раскурив маету у порога,
Пробудились надежды, весна полыхнула в груди;
Всё своё – при себе, ветер юн, и открыта дорога,
И с неё никуда не свернуть. Только, что впереди?

И надежды вздымает сквозное дыханье свободы,
А нагую печаль веселит ликование птах;
И молчат под лазурью небес отшумевшие годы,
И играет вселенская нега в тревожных сердцах...

Прорастая сквозь холод и горечь, чтоб жить под звездой,
Мы торопим себя, словно чуем открытые двери;
А тоска не горит, и мечта остаётся живой,
И быть может, в счастливую Родину кто-то поверит...

Всякой вере – свой дар, и уже всё волшебней закат,
И внезапная сила меняет значенья местами...
Я не помню обид и вхожу в неизведанный сад;
Но как долго мы ждём, чтоб себя озарить чудесами!

крылья транса

Над лоном сна парила память,
Желая мир оставить прежним;
А город стон гасил о камень
И тяжелел я безутешно...

Играла пламенем свеча
И тело жаром оплывало;
А утро выждало свой час
И томный сумрак разорвало...

В облавном зареве рассвета
Металась раненая птица;
Сквозняк сорвал со стен портреты
И билась тень по белым лицам.

Крылатой мощью шло движенье
И скорбь юлой вилась и жала;
А пульс вошёл в этап скольженья
И карма дух расколдовала...

Поток хорала взвил мечты,
В пылу расплавав лязг рояля...
И очи явь очаровали,
Из мути выхватив цветы, —

Надрыв бессильной немоты
Живые губы целовали...

рассвет

Отблеск солнца в окне – как очаг
Для того, кто устал от ненастья;
Всё надёжно, мир – здесь и сейчас,
Но согрета душа лишь отчасти.

Что ей надобно, странной такой?
Что дано во вселенской интриге?
В ней тоска оживает грозой,
И мечта сокрушает вериги.

Драгоценности ей ни к чему,
У неё – обнажённая вечность;
И, наверное, лишь потому
Ты в очах сохраняешь беспечность.

сте́зя озарений

Там, где даль пламенела и млела,
Дерева одевая в зарю,
Наполняла гармония тело
И дарила тепло сентябрю.

Эта рань высоко и беспечно,
Погружала меня в чудеса,
Где любые реальности вечны,
Как распахнутые небеса.

Я невинно бродил в этих травах,
Что-то тихо шептавших ветрам...
И теперь отгоревшие раны
Наполняет певучий бальзам.

Но рассвет обнимая сознанием,
Я иной простоты не ищу;
И проснувшийся мир вспоминает
Ту стезю, что подобна лучу.

направление чувств

Осади боль мечтою,
пробудись под звездой;
Напои душу волей
и войди в непокой.

Завяжи беды в узел
да верни стужу льдам,
Всколыхнётся надежда,
дав свободу ладам.

В тайне – жажда полёта,
а судьба тяжела,
Отыщи в себе небо —
и родятся крыла.

Всякий путь это сила,
стань водой меж песков;
Я открыл в сердце двери
и дошёл до столпов.

Есть в эпохе абсурда
неизбежный расклад:
В бурю слаще и воздух,
и в тоске глубже взгляд.

Я не знаю чем сеять
это иго идей, —
Здесь не ведают меры
ни жуир, ни сэнсей.

Заплети все вопросы
в золотые мечты, —
Нет ни пекла, ни бездны,
если видишь мосты.

Разомлей под грозою,
чтоб не двинуться вспять...
И туманное сердце
напоит благодать.

ОДИН ИЗ НАС

Один из нас когда-то станет первым,
Пройдя без грёз по лезвию судьбы;
Он выйдет из трагедии бессмертным,
Приняв как дар и лавры, и шипы.

Один из нас когда-то будет вольным,
Разъяв цепной эгрегор суеты;
Он выйдет без потерь из-под контроля,
От пут освободив свои мечты.

Один из нас когда-то станет вещим
И сердцем распахнёт свободный путь,
Чей драйв неугасим и безупречен,
Как солнца несгораемая суть.

реверс

У всякой медали – две стороны,
Две жизни и два лица;
И если одна – словно песня весны,
Другая – секретный фасад.

Когда вездесущая действием горит,
Обратная – сна печать;
И та, что при деле – всегда говорит,
А скрытой велит молчать...

У всякой природы – две стороны,
Два голоса, две борьбы;
Но, чтоб ни случилось – они верны
Единству судьбы.

Одна не имеет ни стен, ни завес,
Другая – как тайный джинн;
Но, стоит почуять простор в голове —
И путь – лишь один.

от души до небес

От души до небес – несгораемый свет,
А в закрытых сердцах – мрак системного круга;
Как пройти этот путь, если большего нет?
Остаётся лишь солнце в глубинах друг друга.

Посмотри на дома, им цветы не нужны;
Я порой плыл по ветру, но с Музой надёжней.
Ты открыта, как воздух, как шок без вины,
Всё живое нас помнит, и это не сложно.

От души до небес – вольный путь на веку,
А в закрытых сердцах – виртуальная выюга...
Я прошёл сквозь формат, обаянив тоску,
Просто мы без всего отогрели друг друга.

рождение песни

Окно – как аналог экрана,
В сознании дремлет огонь;
Весна задышала туманом,
Но в тучах сквозит не покой...

Ты спишь глубоко и невинно,
А я торможу суету;
И пульс грозовой сердцевины
Сверкает, штормя высоту...

Но грохот несёт пробуждение,
Вздымая любимые руки;
И в тайне сплошного затмения
Рождаются светлые звуки.

неизбежность

Когда весна прольётся в душу
Новорождённой красотой,
Я в память исповедь обрушу
И воспарю над суетой.

И устья вен овеяв песней,
Я в сердце небо распахну;
И речь, витавшая над бездной,
В миру найдёт свою волну.

И ни страстям, ни медным трубам
Сиянье в дым не обратить;
Душе даны живые губы,
Чтоб вдохновенье не губить.

сохранённая красота

Я так долго молчал. Почему?
Потому что эпоха пьяна,
Потому что и мне в эту муть
Не хватало огня и вина.

Потому что в умах – катаклизм,
А лекарство – как анабиоз;
И любой ностальгический «изм»
Вызывает подкожный мороз...

Альтруизм не имеет путей,
Я кормлю адекватных собак;
Мы не можем творить без цепей,
Потому что шаг в сторону – враг...

Но когда, закрывая глаза,
Я пою о смертельной тоске,
Обнимают меня чудеса,
И сжимается жизнь в кулаке.

И восходят из пепла цветы,
И душа узнаёт красоту,
Сохранённую в тайнах мечты,
Не потерявшей свою высоту.

интроспекция

Высокие клятвы – как старая мебель,
Которую можно отдать не глядя
Знакомым, живущим на кровном хлебе,
Согласно завету священного лада.

Они антикварны, молчат о великом,
Внимая блаженству деревьев раздетых;
И сад опустелый становится диким,
Даруя свободу ликующим детям.

А в холоде мира душе не укрыться,
Сквозь боль и тоску мы идём на запрет;
И время нам дарит счастливые лица,
В которых забытого прошлого нет.

ТЫ ПОМНИШЬ?

Ты помнишь дыхание гроз
И шквал веселящих дождей?
Ты помнишь движение грёз
И свет легендарных идей?

Ты помнишь невинный оркестр,
И холод незримой стены?
Ты помнишь тепло от небес
И восторг от волны?..

Ты помнишь значенье вина,
Когда разговоры пусты?
Ты помнишь, как плачет весна,
Когда погибают цветы?

Ты помнишь весёлых детей
И думы, таящие боль?
Ты помнишь пропавших людей
И святую любовь?

Ты помнишь сияние звёзд
И небо в зеркальной воде?
Ты помнишь движение грёз
И неугасимых надежд?

И я вспоминаю опять,
Как сила рождает пути;
А мир продолжает сиять,
И всё – впереди.

перелёт через бездну

В восьмидесятых было дело – мы летали
На ЗФИ, там острова и вечный дрейф;
Мы в экспедиции по-чёрному пахали,
А в передышках пили «шило» и портвейн.

Те передышки были важным перелётом
С архипелага ЗФИ на материк;
И пересадки тоже были для чего-то, —
Ведь нужен отдых, дозаправка, ну и шик.

Для этой цели в основном имели Диксон,
Там полный кайф для тех, кто вышел на «отрыв»;
Хоть не растёт там ничего, и с виду дико,
Зато там души нараспашку и без «крыш».

И были чуткими полярники-пилоты,
Они как братья были мне, ценили жизнь;
И натурально поутру лечили глотку,
В меня вливая чистый спирт без укоризн.

Ну а потом вручали бережно гитару,
Чтоб я в их душах нараспев тоску задул...
Я колокольно их озвучил в мемуарах,
Я с ними шёл бы и в разведку, и в загул.

А как-то раз нас отуманил остров Средний,
Там дозаправились, умножив позитив;
Но задержались, – был туман на редкость вредный:
Всего два шага – и полнейший сенситив.

Мы всё допили, чтоб быстрее отключиться,
А на рассвете штурман крикнул нам: – Летим!
Хоть не рассеялся туман, – пора лечиться,
Уже одиннадцать! В полёте дохандрим...

Мы тут же сели в самолёт и удивились,
Как он в тумане отупляющем взлетел;
Ещё не ведал я тогда, смотря на крылья,
Что у пилотов было «шило» на похмель...

Но меньше знаешь – крепче спишь, и мы отбились
На безопасной высоте в ненастный день;
Но пробил час, и борт вошёл в кривую милю,
А с бодуна никто не понял, что за хрень.

Все мирно дрыхли. Как приятно быть бесшумным!
Чего тревожиться? Ведь мы ж не на войне.
Но кто-то должен быть над бездною дежурным,
И холодок дурной прошёлся по спине...

Я вскинул голову и внял высотомеру:
Мы просто падали, – реально, без проблем...
Но спали все, лишь друг мой Вовка, в тон отметке,

Сказал: – Мы падаем... И я кивнул: – Совсем.

Он тут же руку сунул в свой рюкзак безмерный
И вдруг извлёк бутылку водки. Вот дела!
Ну, молодец, Володька, друг, – на грани смерти
Он нужней, чем крик и звон в колокола.

Он дал мне первому, как старшему и другу,
Я жарким залпом полбутылки осушил;
Затем вернул Володьке средство от недуга
И стал бесстрашным, как четырнадцатый «Ил»...

Я вольно встал и усмехнулся, глядя в точку:
– Пошёл к пилотам, – нам не время погибать.
И я вошёл в кабину к ним – узнать всё точно,
Зачем мы падаем с небес, ядрёна мать...

Я на мгновенье стал похож на истукана,
Когда увидел отключившихся друзей —
Родных пилотов у валявшихся стаканов
С портфелем спирта и доской для префдолей...

Они невинно развлекались преферансом
И пили «шило» на лету... Какой пассаж!
Я извлекал, зверея, штурмана из транса,
И он открыл глаза, усвоив эпатаж.

И он сказал мне: – Игорёк, попить чайку бы...
Я заорал в ответ: – Мы падаем! Врубись!

Тут он рванул штурвал и одурачил ступор,
И стрёмный лайнер прекратил движенье вниз.

«Ил» тряхануло, и взметнулся он, как птица,
И штурман выдал: – Щас поправим высоту...
Автопилот опять заклинило, – ершится!
Да всё нормально, лечим лайнер на лету...

Он резко выдохнул и мне кивнул с намёком,
И другу тоже подлечиться предложил;
Второй пилот в момент оправился от шока,
И стал как авиаковчег старинный «Ил»...

Мы долетели до Архангельска нормально,
Пилоты были вновь солидны и бодры;
А мы потом родную землю обнимали,
Благодаря её за щедрые дары...

Я тех пилотов наградил бы орденами
За силу духа и бесстрашный романтизм.
Теперь не так всё; только птицы бьют крылами,
Чтоб ощутить полёт и не сорваться вниз.

фермата

Мне поют холода: «Это всё не беда,
Что из вечного льда не струится вода,
Что на вольных снегах не растут города,
И над жаркой мечтой не восходит звезда.
А душе не страшны ни петля, ни узда,
Это всё – не беда, боль сойдёт без следа, —
Над остывшей мечтой воссияет звезда,
И в речах заиграет живая вода,
Вот тогда и взойдёт красота от плода...
А пока – закрути свою блажь в холода,
Чтоб фермата закончилась выдохом: «Да...»

незнакомка из прошлого

Я пил коньяк в пустом буфете Воркуты,
Не постигая, что со мной происходило;
Я был с изящною буфетчицей на «ты»,
И что-то в ней меня томило и любило...

Её глубокие небесные глаза
Меня поили притягательной тоскою, —
В них было то, что в жизни я недосказал,
И было всё, чего не выразить строкою.

Я ей рассказывал про наш суровый быт,
Про ЗФИ, про экспедицию, полёты;
Она внимала мне, ловя тепло судьбы,
И словно ждала от неё ещё чего-то...

Потом в служебном закутке меня враспloch
Вдруг обожгло её неровное дыхание...
И я припал к её устам, утратив слог,
Как будто встретил неизвестное созданье.

И этот долгий поцелуй, как дар извне,
Из головы моей повышиб все полёты;
И нежный голос как пропел: «Пойдём ко мне,
Ещё немного – и закончу я работу...»

И я на радостях ещё взял коньяку,
Я был не пьян, лишь околдован чувств аккордом;
Я на неё смотрел, испепелив тоску,
Я был влюблён, сидя в тылу аэропорта.

Мечтал не долго я в буфете с коньяком,
Она исчезла по делам в своей служебке;
И тут меня тряхнула память, словно гром:
Я должен срочно был лететь! И шок был крепким.

Меня нашли друзья на входе в шумный зал,
И мы мгновенно собрались у самолёта;
А в голове моей рыдал и трепетал
Певучий голос: «Я закончила работу!...»

О, как легко в один момент про всё забыть,
И обмануть себя и ближних не пытаться;
Но как же странно до сих пор в себе хранить
Ту незнакомку, что любила целоваться.

с подогревом идей

Я вернулся, небритый и нервный,
Одичавший, голодный, смурной;
Я бы в битве за негу стал первым
И любовь отогрел бы собой.

Шикану я теперь, раскошелюсь,
Оторвусь так, что мозг загудит!
И шарфом вуалируя шею,
Буду верить, что всё – впереди.

А без денег мы ценимся плохо
В этом мире блестящих вещей;
Я иду, отрезвлённый эпохой,
С подогревом полярных идей...

СВЕТИЛЬНИК ПОЗНАНИЯ

Из глубины воспоминаний
Всплывают странные дела,
Как будто некий дух познаний
Решил вкусить добра и зла.

И этот деятель стихийный
Включил светильник в голове...
И жизнь, шумя многосерийно,
Выводит тайное на свет...

волшебный коридор

Я шёл по Диксону один
Среди немислимых сугробов, —
Искал я винный магазин,
Да заплутал, «не зная брода»...

Я брёл куда-то меж снегов
По ледяному коридору,
Не постигая тех основ,
Что удивленье дарят взору...

И этот снег меня слепил,
Игривой дрожью осыпая,
А если б я вчера не пил,
Сидел в тепле б тогда, не маясь.

Но сей волшебный коридор
Вдруг оборвался на «конечной»...
И я увидел тихий дом,
Он деревянный был конечно.

И я застыл, как истукан,
Дивясь внезапному жилищу;
Я был как сказочный Иван,
Который вечно что-то ищет...

Но был недолгим мой конфуз, —
Открылась дверь, дохнув «Клондайком»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.